

СВЯЩЕННИК ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ

МЫСЛИ О ПРЕПОДАВАНИИ АГИОЛОГИИ И О КЛАССИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Ниже читателю будут предложены две записки свящ. Павла Флоренского о направлениях в духовном образовании, весьма ему близких, — агиологии и «классицизме»¹. Они публикуются впервые по авторской рукописи из Архива священника Павла Флоренского (Музей священника Павла Флоренского, Москва)². Первое из них адресовано совету Московской духовной академии, второе — одной из комиссий Поместного собора 1917—1918 гг. Несмотря на свой довольно краткий, а во втором случае и незавершенный характер, они отражают живое и глубокое понимание о. Павлом тенденций развития православного богословия.

1. Название «Докладная записка <о кафедре агиологии>» восполнено по черновой записке священника П. А. Флоренского: «Для мая-июня. Из заметок и пожеланий». В ней он перечисляет список работ, которые собирался написать в указанное время. Отметим, что в своих сочинениях отец Павел неоднократно обращался к житиям святых как источнику для построения православного мировоззрения. Ему принадлежит уникальная работа «Антоний романа и Антоний предания» (1905), где сравнивается образ преподобного Антония Великого, запечатленный в его житии, и значительное искажение его в поэме Г. Флобера

¹ Библиография по агиологии, составленная вместе с запиской, опубликована отдельно. См. ниже с. 628—641.

² В Архиве священника Павла Флоренского хранится также машинописный вариант «Докладной записки <о кафедре агиологии>».

«Искушение святого Антония». П. А. Флоренский и сам создал агиографическое произведение, посвященное своему старцу, — «Соль земли, то есть Сказание о жизни старца Гефсиманского скита иеромонаха аввы Исидора, собранное и по порядку изложенное недостойным сыном его духовным Павлом Флоренским» (1908).

Одна из тем кандидатских сочинений, написанных под руководством отца Павла А. Волковым (впоследствии единоверческий епископ Павел), была «Жития святых...».

Отец Павел был, пожалуй, вообще единственным из философов, кто обращался к житиям святых как источнику мысли. Все это убеждает в том, что «Докладная записка о кафедре агиологии» — вовсе не спонтанно возникшая идея, а глубоко выношенное убеждение. Ее актуальность состоит в том, что введенный ныне в преподавание в МДА по новой программе предмет агиография пока что не ставит своей целью решение тех задач, о которых говорится в данном докладе.

«Докладная записка» сохранилась в двух черновых автографах. Один из них целиком собственноручно написан отцом Павлом. Первая половина второго автографа написана его рукой, вторая — иной рукой, с более аккуратным почерком, с карандашными исправлениями о. Павла. Этим же почерком сделаны и записи на отдельных листках той же самой бумаги с библиографией по агиологии и текстами, частично вошедшими в авторизованный машинописный вариант, по которому публикуется докладная записка. Текст, не вошедший в машинопись, издается отдельно в конце записки.

2. В марте 1918 г. священник Павел Флоренский получил официальное приглашение отдела Собора о духовно-учебных заведениях принять участие в разработке вопроса «о типе пастырских училищ (вместо семинарий)». Но еще ранее к отцу Павлу члены Собора обращались в связи с работами т. н. классической комиссии, обсуждавшей, вероятно, постановку изучения классических языков в духовных заведениях. В связи с этим 9 янва-

ря 1918 г. отец Павел и написал своеобразные «Тезисы», незаконченный текст которых сохранился в его архиве. Неизвестно, были ли они в законченном виде отосланы классической комиссии или нет. В письмах С. Н. Булгакова о. Павлу по данному вопросу встречаются лишь отрывочные сведения.

16 января 1918 г.: «Дорогой о. Павел. Меня начинает беспокоить Ваше молчание, хотя заседание о греч. языке отодвинуто и неполучение от Вас „пунктов“ практического значения не имело...»

28 января 1918 г.: «Также отсрочено — без видимого срока — и заседание классической комиссии. Все отсрочивается и куда-то уходит»³.

Как и в других своих учебных и методических разработках, отец Павел в «Тезисах <о классическом образовании>» стремился поставить обсуждаемый вопрос на фундаментальную общецерковнозренческую основу.

1. В СОВЕТ ИМПЕРАТОРСКОЙ МОСКОВСКОЙ
ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ
ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА <О КАФЕДРЕ АГИОЛОГИИ>

Согласно § 135 Устава 1912 г. в круг академических наук «с разрешения Св. Синода могут быть вводимы и другие предметы преподавания», т. е. сверх изучаемых ныне. Имея в виду этот §, честь имею предложить Совету несколько соображений о необходимости ходатайствовать пред Св. Синодом о введении кафедры агиологии (со включением сюда агиографии) и о присоединении к ней аскетике, доселе по Уставу 1912-го года соединяемой с пастырским богословием (§ 129).

Соображения эти вытекают из общей задачи академического преподавания. § 152 Устава гласит: «При распределении распи-

³ Переписка священника П. А. Флоренского со священником С. Н. Булгаковым. Томск, 2001. С. 145, 147.

сания Совет Академии имеет в виду, чтобы а) при распределении наук соблюдался, по возможности, порядок, определяемый их последовательностью и взаимною зависимостью, б) преподавание общеобразовательных наук предшествовало, по возможности, преподаванию наук богословских...» Отсюда видно, что Устав подчеркивает необходимость целостности академического курса и имеет в виду постепенно вести студентов к уяснению основной церковной идеи. Идея спасения есть цель академического преподавания, понимаемого как одно целое. Поэтому-то Устав обращает внимание на изучение источников христианского учения, усиливая преподавание Ветхого и Нового Заветов и патрологии как принципиально устанавливающих и раскрывающих идею спасения; поэтому-то Устав вводит аскетику как науку, указывающую личности путь к осуществлению евангельского идеала духовной жизни. Однако принципиально важное значение, придаваемое аскетике Уставом и с необходимостью вытекающее из церковного понимания этой идеи, не находит себе полного соответствия в тех условиях, в которые поставлено преподавание аскетики по тому же Уставу. Преподаватель аскетики должен быть сразу специалистом еще по двум различным и значительным по объему предметам: по пастырскому богословию и по гомилетике. Это требование от преподавателя заставит его, по необходимости, уделять аскетике слишком малую часть своего времени и своих сил. Было бы целесообразно выделить аскетику и предоставить ее особому преподавателю, интересы которого и силы были бы более определенно направлены именно в эту сторону. В виду этого было бы полезно соединить преподавание аскетики с преподаванием предмета, по существу дела неотделимым от нее. Такова агиология (с агиографией). Ее место среди других предметов богословского преподавания может быть определено как завершение всего богословия, ибо она есть «познание» ценности всего церковного жизнепонимания по «плодам» его. Зрелый плод жизни в Церкви, «достойный плод покаяния» есть святая личность. Познание святых, строения их личности, законов

их жизни, своеобразия их опыта и их мышления, отношения этих законов, этого опыта, этого мышления к обычным, свойственным грешному человеку, — разве это не познание плодов того жизнепонимания, над изучением которого призвана трудиться Академия? Жизненность аскетика, а следовательно — и всего христианина, ибо аскетика — путь к осуществлению его, — познается в агиологии. Малое внимание к изучению святых не может не отразиться разлагающим образом на всей системе православного богословского образования, ибо так пренебрегается живое осуществление и наглядное явление духовной жизни. Без агиологии аскетика может казаться, и кажется нередко, рядом требований, не могущих реализоваться, а христианство — отвлеченной идеей, не способной без урезок и принижений раскрыться в действительности. Агиология же есть опытное исследование христианства как силы жизненной, а не только красивой мечты. И вместе с тем агиология уясняет самые глубины христианства, ибо предметом ее служит не то, что говорили христиане, хотя бы и святые, но применительно к испытанию и задачам других, не святых, и по внешним выводам, а то, чем были они, чего они достигли своим подвигом, — самые высшие и притом реальные достижения человечества.

Если задача духовных академий — уяснение церковного сознания, то нельзя забывать, что по церковному же разумению святые — стержень церковной жизни и носители церковного сознания. Пренебрегать изучением их — значило бы, забывая о бесспорно христианских и высших явлениях духовной жизни, искать лучей духовности в явлениях тусклых и не получивших себе одобрения от Церкви. Понятно, что все должно освещаться опытом святых и разумением святых, а не опыт и разумение святых постигаться в тусклом понимании и опыте грешного мира. Однако невнимание к агиологии часто ведет к последнему.

Важнейшая сторона церковной жизни и средоточие ее — богослужение. Но что такое богослужebные круги, как не ряды

памятей святых, поясняемые чтением житий. И что такое места богослужения, как не собрание икон тех же святых, наглядно являющих молящимся их просветленные лики. Пренебрежение агиологией не может не ослабить понимания церковности и любви к богослужению. И если мы вспомним, что для древнего благочестия, да и ныне для простого, но крепкого верою, народа, понятие христианства почти сливалось и сливается с понятием святости, то легко возникает мысль, не скрывается ли один из сильнейших деятелей по разрушению церковности именно в теоретической недооценке житий святых в богословской науке и в происходящем отсюда практическом пренебрежении — в почти полном уничтожении житийных уставных чтений.

Но если правильно развиваемое здесь убеждение, что необходима в курсе богословских наук, как завершение его, агиология, то сама собою определяется и необходимость исагогики к ней — виде агиографии, устанавливающей текст, перевод, происхождение, состав, взаимозависимость редакции, замысел, литературное построение, лексический характер и т. д. и т. д. изучаемых житий. По нашим убеждениям, среди студентов Академии нередко крайне легкомысленное и поверхностное отношение к житийным памятникам, часто не виданным не только в подлинниках, но даже в славянских или русских переводах. Некоторые никогда не видали не только Макарьевских Четий-Миней, но даже Димитрия Ростовского, не говоря уже об Acta Sanctorum. Наиболее распространено откуда-то с налету усвоенное мнение, что жития почти не заслуживают внимания, — ни как исторические свидетельства, ни как источники для философских и психологических заключений. Теория «шаблона», ставшая сама шаблоном во всех построениях, нередко начинает принимать в студенческом сознании характер научного догмата, не нуждающегося в проверке и применимого без ограничений к любому случаю. Понятное дело, что при непреложном мнении о шаблонности всех житий интерес к изучению их, как религиозный, так и научный, отпадает. А это, по нашему глубокому убеждению,

влечет за собою разложение всей церковной жизни. По-видимому, на эту опасность обратила уже внимание высшая церковная власть: в издании на русском языке житий святых нельзя не видеть одной из мер против грозящей опасности. Но требуется и научная работа в том же направлении. А это не может быть достигнуто без усиленного изучения аскетики в связи с агиологией. Между тем даже и в светской науке все нарастает внимание к житиям святых, привлекаемым к делу при исследованиях психологических, историко-религиозных, филологических, исторических и даже географических. Намечаются подобные же привлечения житий к исследованиям философским и историко-философским. Вот одно из свидетельств светских исследователей в области агиологии: «Недостаток топографических и исторических сведений о палестинских и сирийских городах и селениях в известных нам произведениях древних греческих авторов давно уже побудило Императорское Православное Палестинское общество обратить внимание и на те народные агиологические тексты христианской эпохи, которые обычно называются синаксарями, мученичествами и житиями. Эти тексты, при всем их многообразии, обыкновенно содержат в себе столь подробные сведения топографического или исторического характера, что представляют как бы верные памятники данных мест или даже сокровищницы преданий их старинных обитателей. Впрочем, известно и внимание, повсюду обращенное в течение последнего 30-летия на агиологические памятники и почерпаемый из них изобильный материал разнообразного интереса»⁴. Но это, так сказать, низшее применение житийных памятников; высшее же, в области духовно-нравственной, только начинает разрабатываться, и православному богословию было бы неблагоприятно оставить развитие новых научных дисциплин без руководства церковным сознанием.

⁴ Слова А. Пападопуло-Керамевса из предисловия к сборнику палестинской и сирийской агиологии // Палестинский сборник. Вып. 57. СПб., 1907.

Агиологии еще предстоит главная работа, но агиография может считать большую часть своего дела уже сделанной. Но с каким стыдом должно быть тут отмечено, что в большинстве случаев агиографические работы принадлежат представителям не православных духовных академий, а инославным или даже независимым светским ученым. И не укор ли для наших академий тот факт, что житиями православных святых занимались и занимаются по большей части лица иных исповеданий или даже вне-религиозные? Интерес, какой проявила к житиям святых Католическая Церковь, давно известен. Можно сказать, что она почти всецело взяла в свои руки агиологию. Ученые католики переводили на латинский язык и не раз издавали жития святых греческой Церкви. Некоторые жития греческих святых обнародованы только в латинском переводе, а подлинное греческое житие лежит где-нибудь в рукописи. Acta Sanctorum болландистов, этот грандиознейший труд, подобного которому еще не было и долго еще не будет, он один может убедительнее всяких слов засвидетельствовать интерес и любовь католического религиозного сознания к житийной литературе. Сюда же нужно отнести множество журнальных статей и обнародование текстов в католическом мире. Но не только католики, но и принципиально чуждые почитанию святых протестанты сделали в последнее время весьма ценные издания житийных текстов. Если мы обратимся, далее, к исследованиям за последнюю четверть века, сделанным у нас в России, то тут надо помянуть известные имена: В. О. Ключевского, Васильева, А. Пападопуло-Керамевса, И. Помяловского, Г. Ф. Церетели, Б. Тураева, В. Г. Васильевского, С. Г. Вилинского, Н. Марра, В. В. Латышева, Хр. Лопарева, Веселовского, Д. И. Шестакова, Сырку и многих других, выступавших в журналах и отдельными изданиями. Все это имена светские. Как было бы полезно, если бы и силы академического богословия потекли по руслу, уже намеченному когда-то архиепископами Филаретом Черниговским и Сергием Владимирским. Но мы не видим для этого иного средства, как открытие, хотя бы в одной Акаде-

мии, особой кафедры, имеющей предметом аскетику с агиологией (и агиографией).

Экстраординарный профессор священник Павел Флоренский.
Составлено и переписано 1917. VI. 12. Сергиев Посад

ПРИЛОЖЕНИЕ ИЗ ЧЕРНОВИКА ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ

Публикуемый ниже текст в черновике следует сразу за фрагментом «Интерес, какой проявила к житиям святых Католическая Церковь <...> любовь католического религиозного сознания к житийной литературе».

Древняя Русь воспитывалась на житиях святых. Нельзя сказать этого теперь. Наоборот, такого пренебрежительного отношения и к такой важной дисциплине, как агиология, не наблюдается ни к чему другому. Кроме того, исследования в области агиологии у нас оказались в руках представителей светской науки. Последние, правда не все, с легкой руки протестантских ученых заклеями агиологию одним словом: «шаблон», и, следовательно, [как] недостоверную⁵. Теория шаблона, а следовательно, и недостоверности распространилась в интеллигентском обществе чрезвычайно быстро, она грозит проникнуть еще глубже, в самые недра народного сознания. Эта теория угрожает лишить Церковь самого надежного и могущественного средства воспитания народных масс в духе Православия житиями святых.

Помимо всего этого изучение житий важно для уяснения самого Церковного сознания.

Наш храм наполнен изображениями, иконами святых; храм наш — сплошная икона, по крайней мере должен быть таким и действительно был таким в Древней Руси. Жития святых не что иное, как те же иконы, только написанные не красками, а словами-символами. В дополнение к изображениям святых красками в древней Церкви читали их жития.

Самый круг богослужебный состоит из памятей святых. Таким

⁵ Над строкой написано: «у нас [нрзб. 1 слово]».

образом, святые составляют центр церковного сознания, а между тем понятие святости до сих пор даже и не пытались выяснить. Отсюда и сущность церковного сознания оставалась закрытой взору современного христианина. Отсюда сухость и безжизненность науки, господство принципов знания протестантской Церкви.

Кончая Академию Духовную, студент ее не знает в сущности, для чего он учил догматику, нравственное богословие и пастырское, Священное Писание, патрологию. Он не знает, что догматы и заповеди, которые составляют предмет богословских дисциплин, имеют целью святого человека. И если у нас за отсутствием синтетической памяти святости как цели христианской жизни догму отделяли от заповеди, слово от дела, то неудивительно, что и науки богословские ничем между собой не объединены. Естественным же их объединением и целью должна быть агиология.

Следующий текст написан после пробела на последней, четвертой стороне этого же сложенного пополам листа.

К агиографическим памятникам представители науки подходят лишь с двух сторон: или исследуют их как исторический источник (Ключевский, Васильевский), или видят в них литературные произведения, доискиваясь их происхождения и сопоставляя житийные мотивы со сказаниями язычества (А. Н. Веселовский, Д. Шестаков). Исследования того и другого характера имеют целью решить вопрос об исторической достоверности агиографии⁶.

Что жития много интереснее и полезнее исследовать с религиозно-философской точки зрения и что эта точка зрения должна освещать исследования как исторические, так и литературные, об этом, кажется, еще никто не думал. Для некот[орых] предста-

⁶ См.: П. Безобразов. Рецензия на книгу Латышева Греческие жития святых 8 и 9 в. // Ж[урнал] М[инистерства] Н[ародного] Пр[освещения], август 1915 года, 340 стр. — Примеч. автора.

вителей науки⁷ такая точка зрения на жития святых даже невозможна.

2. ТЕЗИСЫ <О КЛАССИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ>

День моего рождения. 1918.

I.9. Серг<иевский> Пос<ад>.

Вследствие невозможности лично прибыть на собрание, имеющему по мнению пишущего задачу высокой культурной важности и огромной духовной ответственности, считаю своим долгом приветствовать отрадное начало борьбы за классицизм, выразить свое полное единомыслие со сторонниками наиболее полного и последовательного проведения в школе начала классич<еского> образования и высказать несколько тезисов, которые желал бы развить пред уважаемым собранием.

Тезисы

1. То мировоззрение, которое принято называть «научным» и которое ядром своим и отправною точкою имеет математическое естествознание, основывается на опыте жизни одностороннем, ущербном и крайне бедном; кантовская, когеновская и т. д. системы категорий есть средство не к познанию реальности, а к систематическому обеднению и извращению ее содержания. Это жизнепонимание есть система фикций, некоторая международная условность, согласно которой никто не мыслит в своей жизни.

2. Но наряду с искусственным научным мировоззрением есть другое, которое в том или другом виде, в большем или меньшем раскрытии образует действительное жизнепонимание всех людей во все времена. В противоположность мировоззрению искусственному это жизнепонимание следует назвать естественным, всечеловеческим и органическим. Жизнепонимание всех поэтов,

⁷ Далее написанное в скобках зачеркнуто карандашом: «разумею нек[оторых] проф[ессоров] Дух. Акад[емии]».

ОТДЕЛ III. ИЗ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

жизнепонимание всех народов во все времена, жизнепонимание всех религий, наконец — жизнепонимание всякого человека, высказывающегося не условно, для других, а непосредственно, для себя самого, есть разное выражение естественного воззрения на действительность. В основе его лежит *свой* опыт, <1 нрзб.> опыты, обрабатываемые по имманентным самому <1 нрзб.> содержанию углам зрения, которые, если угодно, можно назвать *своими* категориями.

3. Было бы несправедливо думать, будто органическое мировоззрение чуждо познанию природы, как было бы несправедливо отрицать и изучение духа в математическом естествознании. Но первое мировоззрение стремится к пониманию сущего, второе — к [подчинению?] его своим схемам и построениям. Платон, Аристотель, Гете, Шеллинг — вот типичные выразители органического понимания мира. Из этого видно, что оно есть раскрытие, прояснение и углубление мировоззрения народного, всечеловеческого, к каковому оно призывает без разрыва <1 нрзб.> и каковое им понимается. Напротив, искусственное мировоззрение...⁸

Вступительная статья и публикация текстов подготовлены
игуменом Андроником (Трубачевым)

⁸ Обрыв текста.